

Н. Р. Ойноткинова (Новосибирск)

КУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ АЛТАЙЦЕВ*

Ключевые слова: алтайцы, мифология, сказочная проза алтайцев, мотив, сюжет, культурные универсалии.

Цель доклада – рассмотреть вопрос о том, являются ли мифологические мотивы универсальными явлениями в фольклоре. Универсалии (от лат. *universalis* ‘общий’) – термин средневековой философии, обозначающий общие понятия (или идеи) [5, с. 702]. Культурные универсалии – это понятия, которые выражают черты явлений, встречающиеся во всех культурах, например, *пространство, время, человек, душа, природа, божество, дух, число, цвет* и т.п. Понятие – «мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности и связи между ними посредством фиксации общих и специфических признаков, в качестве которых выступают свойства предметов и явлений и отношения между ними» [5, с. 513].

С. Ю. Неклюдов считает, что «на статус условно “универсального” способны претендовать, во-первых, семантические элементы, относящиеся к разным категориям фольклорно-мифологической традиции (темы, семы, модели, семантические оппозиции), и, во-вторых, организующие их (~ реализующие их) структуры (морфология), причем подобные структуры могут быть выявлены наиболее убедительным образом — в силу своего присутствия практически в любом тексте, тогда как единицы содержательного плана представлены столь неравномерно, что говорить об их “всеобщности” приходится лишь реконструктивно и с большими натяжками» [3]. Здесь речь идет о языковых и фольклорных универсалиях.

Мифология каждого этноса уникальна, но и в то же время имеет много общего с мифологиями других народов. За многими сюжетами, существующими в национальном фонде сказочной прозы алтайцев, скрываются общемировые мотивы [2]. Нами рассмотрены 86 мифологических мотивов,

из которых 53 мотива входят в международный указатель фольклорно-мифологических мотивов по ареалам Ю. Е. Березкина, что показывает открытый характер повествовательной прозы алтайцев. Это следующие мотивы: «С6. Ныряльщик»; «В1. Двое создателей»; «В52 В. Утаивание земли»; «В52. Появление гор»; «Е1. Творение человека»; «Н40. Собака охраняет человека»; «Н41. Собака предаёт человека»; «Н43а. Оплеванные фигуры»; «Н6В. Пролитый эликсир бессмертия»; «Н56. Запретный плод»; «В1С. Один творец обманывает другого»; «Н46. Доля собаки»; «Н45. Испачканная лепешка»; «С31а. Солнце и луна обещаны черту»; «А12. Затмения: нападение чудовищ»; «А32Е. Персонаж с предметом в руках»; «А32D. Человек на луне»; «В47А. Раздвоенное копыто коровы»; «В46. Семь звездных братьев»; «В46А. Отделенная звезда Плеяд»; «В42. Космическая охота»; «В42h1. Стрела пронзила животное»; «I5. Гром – животное»; «В81. Собаке ружье»; «В109. Человек стал медведем»; «В69. Полосатый бурундук»; «А37А. Спрятавшийся стрелок»; «В98. Летучая мышь между зверями и птицами»; «В70. Заячьи уши»; «В45В. Бык холода»; «В116. Съеденная книга»; «В40В. Лошадь меняется с Коровай»; «В40А. Потерявший рога»; «В68. Рябчик-великан»; «В74. Красноглазый глухарь»; «В89. Филин – царь птиц»; «В68А. Птица наказана: пусть несет на себе другую»; «В38А. Две птицы раскрашивают друг друга»; «В38. Неудачная раскраска»; «В73. У кукушки разные ноги»; «В73В. В поисках брата»; «В72. Кукушке не дали воды»; «В38Е. Лебедь и вороны»; «В69А. Спор о времени»; «А23А. Кто первым увидит солнце»; «С2. Потоп и пожар»; «В11В. Утонувший мамонт»; «С5А. Птицы-разведчики»;

* Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

«В86. Вавилонская башня»; «С25. Эсхатологические ожидания»; «D4L. Огонь с неба».

Безусловно, эти мотивы также ограничены в своей географии распространения, существуют в определенных ареалах. В каких-то культурах они могут отсутствовать. Мифологические мотивы имеют свою географическую распространенность, мотивы, свойственные одному ареалу, не характерны для других; это свидетельствует о том, что не существует универсальных мифологических мотивов [1]. Мотивы и элементарные сюжеты, сохраняющиеся в течение столь значительных исторических периодов, доходят до сегодняшнего дня, как бы прорастая сквозь сменяющиеся друг друга языки и культуры. Это говорит о поразительной устойчивости в человеческой культуре смыслов, что имеет уже не только фольклористическое, но и более широкое антропологическое значение. Здесь работает мощный механизм, гарантирующий постоянство отбора подобных мотивов, его действие может наблюдаться не только внутри какой-либо фольклорной традиции, но и при установлении фольклорных соответствий в разных, не связанных между собой областях [3].

Многие сюжеты, в первую очередь сказочные, распространяются по миру путем передачи от одной культуры к другой. Сказка, прочно освоенная определенной традицией, в большинстве случаев возникла не в этой традиции, а получена извне. Обретение подобным текстом этноспецифических признаков происходит при его адаптации культурой-восприемником, причем результаты такой адаптации не сводятся к «перелицовке» картины сказочного мира, его «поверхностного слоя», декорума, социально-экономического и природного фона. В национальных редакциях международных («бродячих») сюжетов на основе местных

обычаев, поверий, преданий могут возникнуть новые эпизоды и даже целые сюжетные ходы, встраивающиеся в «исходные» фабульные структуры или совсем замещающие их [3]. То же самое и происходит и с другими повествовательными жанрами.

В заимствованные библейские сюжеты часто встраиваются различные локальные мифы. В «Легенде о Ное» роль дьявола «исполняет» Эрлик – божество Нижнего мира в шаманской мифологии алтайцев, он же старший брат Ульгена (Кудая) – светлого божества. Дьявол приходит к жене Ноя в облике человека в желтой войлочной шубе – это традиционный образ Эрлика в алтайском фольклоре, он «перекочевал» и в библейский сюжет. Вместо имени Ной употреблены нарицательные имена существительные: *öböğön* ‘муж’, *кижи* ‘человек’, *айылдын ээзи* ‘хозяин юрты’ [4, с. 126–131]. Различия между мифами разных народов заключаются в их образном строе, в отражении местных реалий и понятий, а общее – в их мотивном содержании, в характере передаваемых ими отношений между явлениями реальной жизни.

Мифологической прозе алтайцев присущи как *мировые мифологические мотивы*, входящие в фонд мирового фольклора, так и *локальные*, отражающие этнокультурную специфику, обусловленную верованиями и мифоритуальной традицией этноса. Различным в этих произведениях оказывается лишь национально-культурный фон, в который они встроены и что придает им колорит: это элементы ландшафта, где проживает народ, флора и фауна, окружающая среда, национальная пища, одежда, история, быт, морально-этические установки, выработанные предками в течение многих веков. В этом заключается национально-культурная специфика мифов алтайцев.

Литература

1. Березкин Ю. Е. Об универсалиях в мифологии // Теория и методика архаики: Материалы теоретического семинара. СПб., 2003. Вып. 3. С. 24–36.
2. Березкин Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm>.
3. Неклюдов С. Ю. Культурная память в устной традиции: историческая глубина и технология передачи // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов: Сб. науч. ст. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2013. С. 9–15.
4. Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с.; ил. + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).
5. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Попов. М.: Сов. энцикл., 1983. 840 с.